

Богородица-Оранта представлена в одном из аркосолиев катакомб св. Агнесы.

Росписи с евангельскими сценами в историческом порядке появляются в V в.

Еще одна группа памятников, заслуживающая особого изучения – это христианские росписи сирийского города Дура-Европос (III в.)¹. Здесь также иллюстрации к Писанию появляются очень рано и не уступают место символическим изображениям. Причиной этого можно считать местоположение этого города за пределами Римской империи, куда не доходили гонения на церковь.

Росписи баптистерия древнейшего на сегодняшний день христианского храма (232 г.) дают нам не символические изображения, а темы из Ветхого и Нового завета: Адам и Ева, Давид и Голиаф, Добрый пастырь, жены-мироносицы, чудо исцеления расслабленного, чудо на озере, добрая самаритянка.

Это обстоятельство еще раз убеждает нас в том, что подлинная история раннехристианской живописи с выделением центров и этапов на современном уровне еще не написана.

TOWARD NEW ASPECTS OF EARLY PERIODS OF THE CHRISTIAN ART EVOLUTION

Yana Yu. Ivanitskaya

The author investigates the illustrative monuments of the first centuries AD, mainly from the Roman tombs. She comes to the conclusion that the illustratism was typical of the early Christian art from the beginning, but it embraces stories from the Old Testament only. Illustrations in the New Testament originate to 3 AD. The concept of total symbolism of the early Christian art is not correct.

Key words: Christianity, painting, tombs, symbolism, illustrations.

АСКЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ²

Н.Н. Болгов, П.А. Титенко (Белгород)

В работе рассматривается аскетический идеал частно-бытового поведения женщины-христианки. В богословской литературе он сформировался очень рано – с первых веков христианства – и ориентировал либо на совершенное девство (в монастыре или в миру), либо на аскетизм в мирской жизни. Путем достижения идеала считались отказ от страстей, пресыщения, секса, всяческой неумеренности.

Ключевые слова: аскетизм, женщина, христианка, девство, страсти, монастырь, трапеза.

Аскетический идеал бытового поведения женщины-христианки в ее частной жизни сложился с первых десятилетий истории христианской церкви. Он может быть определен в высшей своей форме как девство. Девство могло быть изначальным, а могло быть и «приобретенным», т.е. означало аскетический образ жизни либо в миру, либо в монастыре.

¹ Гаубов В.А., Кошеленко Г.А. Христианские памятники Дура-Европос: открытие и значение // ПИФК. XII. М.-Магнитогорск, 2002. С. 415-435; Ростовцев М.И. Дура-Европос и начало христианского искусства // Современные записки. Т. 65. 1937. С. 245-262; Беляев Л.А. Ук. соч. С. 96-99.

² Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ ВКГ № 152-08 2008 г.

Концепция девства и аскетического поведения в миру была разработана христианами богословами очень рано, еще во II-III вв.

Аскетический идеал женщины-христианки всегда был ориентирован на самую недостижимую высоту – это Дева Мария¹. Практический же тип, достижение которого считалось более или менее реальным, это Марфа и Мария – сестры Лазаря, олицетворявшие два типа женщины-христианки. Первая – практическая и рассудительная. Вторая – восторженно-созерцательная.

Очень часто и с особенным удовольствием ранние отцы изображали скромность, умеренность и целомудренность, которые царили во время христианских обедов. Апологет Минуций Феликс (II в.) говорит: «Наши обеды не только целомудренны, но и трезвенны, ибо мы не позволяем никакой болтовни, веселость умеряем важностью и скромными речами» (Минуций Феликс. Октавий, 18).

Климентом Александрийским в трактате «Педагог» и Мефодием Патарским в сочинении «Пир десяти дев, или О девстве» были даны наиболее пространственные практические рекомендации. Климент вообще разработал целую программу бытового и публичного поведения женщины-христианки, начиная с приема пищи, проявления эмоций, применения косметических средств, ношения одежды и обуви и т.д. Много страниц Климент посвятил специально гендерному поведению женщины-христианки в ее взаимоотношениях с мужчинами (III.4), словно полемизируя с известными рекомендациями Овидия в *Ars amandi* и *Remedia amoris*.

Очень подробно распространяется об этом предмете Климент Александрийский в сочинении «Педагог» (кн. I). Климент совершенно отвергает изысканность в пище и осуждает тех, кто посвящает время и усилия разысканию и приготовлению редких кушаний и приправ. Таких сластолюбцев он называет не людьми, а «ртом и челюстями». Этот строгий церковный нравоучитель стыдит христиан за то, что они начали допускать излишества даже во время христианских агап. В лакомых блюдах он усматривает смерть для тела и души. Умеренно питающиеся люди, говорит он, гораздо сильнее, здоровее и благоразумнее, чем другие. Это можно видеть при сравнении крестьянина или философа (в смысле человека умеренного) с богачом.

Обед христиан должен быть прост и короток, не должен мешать ночному бодрствованию и не должен быть приправлен какими-либо благовоениями. Климент осуждает также жадность в еде: «Неразумно жадными глазами пожирать яства. Такие люди по прожорливости больше похожи на свиней или собак. Они торопятся наестся, наполняя обе щеки сразу из всех сосудов»².

Климент много занимается указанием тех приличий, соблюдение которых при трапезе предписывается разумному христианину. Он советует,

¹ Амвросий Медиоланский. О девственницах. II, 1 и др.

² Климент Александрийский. Педагог. М., 1998. С. 15.

чтобы христиане благопристойно касались еды, сохраняли не запачканными руки и занимаемое ими при столе место, соблюдали спокойствие в лице и чинно протягивали руки к кушаньям через известные промежутки времени. Не советует он и говорить за обедом. Неприличным кажется Клименту одновременно и есть, и пить; это признак невоздержания.

Климент указывает и наиболее полезные виды пищи, которые стоит употреблять. Той пищи, которая способна возбуждать сексуальные желания, нужно совершенно избегать. «Можно употреблять лук, маслины, овощи, молоко, сыр, и, если угодно, мясо вареное и жареное. Из яств самые удобные для употребления – те, которые приготавливаются без помощи огня, потому что с ними менее хлопот; потом те, которые не обременительны для желудка и дешевы. Те же, которые составляют роскошь стола и бывают причиной болезней, носят в себе демона обжорства»¹.

Относительно вина: Климент позволяет его употреблять, но весьма умеренно, как апостол Павел заповедует Тимофею принимать понемногу вина для здоровья желудка. Вообще вино он допускает более всего в качестве лекарства. Он не разрешает, чтобы вино пили все без различия. Юноши, девушки и замужние должны вовсе воздерживаться от вина. Вино следует смешивать с водой, а не пить его как воду. Сильными красками Климент изображает порок пьянства, который в его время среди христиан встречался крайне редко. Он осуждает также пристрастие к редким и иностранным винам, а также употребление различных сортов вин во время одного и того же обеда. Нужно заботиться и о соблюдении приличий во время питья.

У женщин Климент порицает обычай пить из очень узких бокалов, что делалось из некоторого рода кокетства. Ему не нравилось, как они при этом загибают голову, нецеломудренно обнажают шею, как будто стараются обнажить для сотрапезников все, что могут.

Климент также дает советы, как христианину пристойно вести себя во время трапезы в целом. Он считает неприличным для христианского дома позволять шумную музыку, танцы и пр. Можно допустить скромные и целомудренные мелодии, но всячески избегать изнеживающей музыки и безобразных плясок. Веселье должно сдерживаться в определенных рамках. Всякая нескромность должна быть полностью изгнана. Не следует на пиршествах насмехаться над другими, отчего рождаются оскорбления и вражда.

Мефодий Патарский, признавая значение изначального девства, указывает: «Сильно бороться со сладострастными пожеланиями – это заслуживает большей похвалы, нежели соблюдение девства с легкостью, без волнений... Господь отдал преимущество чувствующему похоть и воздерживающемуся перед не чувствующим похоти и соблюдающим девство. ... Душа, которая борется с движениями похоти, не увлекается ими, а напротив устраняет себя и противится им, оказывается более сильной, неже-

¹ Там же. С. 16.

ли не чувствующая похоти. Так, душа, чувствующая похоть и воздерживающаяся, превосходнее не чувствующей этого и воздерживающейся» (Мефодий. Пир десяти дев. VIII, 7).

Такой парадоксальный, на первый взгляд, вывод в определенной степени предвосхищает в дальнейшем ранневизантийский феномен святости бывших блудниц, хорошо известный в агиографии и других текстах¹.

Первым и главным условием аскетизма был отказ от секса. Однако, если для мужчины борьба с похотью являлась, пожалуй, главным в этом аспекте, то для женщины просто отказ от секса еще не означал полного аскетизма. «Жизнь пола возможна и без сексуального акта и даже гораздо более напряженная. ... Даже абсолютное целомудрие не только тела, но и духа, предполагает половую жизнь»². То, что русский философ назвал половой жизнью, было бы правильнее сегодня назвать гендерными ментальными и поведенческими характеристиками. «Целомудрие – это одно из направлений половой энергии», – продолжает мыслитель. И в этом с ним нельзя не согласиться. «Целомудрие не есть отрицание пола; целомудрие есть сохранение целостности пола, концентрация половой энергии во всем целостном существе человека»³.

Действительно, человек не может полностью преодолеть природу своего тела и стать бесплотным. Поэтому аскетический идеал предполагает не столько катафатический отказ или уход от природы тела, сколько концентрацию усилий духа и тела по преодолению плотских влечений.

Вторая сторона аскетического идеала – преодоление страстей, а страсти, по крайней мере, для женщины – неотъемлемая часть ее природы, ее пола. Способы преодоления страстей и здесь в той же мере апофатичны – путем не подавления их в себе, а концентрации духовных усилий и направлении их на достижение идеала.

Наконец, для монахини устанавливается полный аскетизм, для чего рекомендуется подавлять все чувства, вкушать пищу только для минимального подавления голода, полностью исключить общение с противоположным полом, подавить все страсти. Если же брань блудная все же одолевает, то она преодолевается молитвой, трудом, постами, затворничеством, минимальным сном, безмолвием⁴.

На практике, в реальной истории Ранней Византии аскетический идеал оказался посильным для сравнительно небольшого количества женщин, удалившихся в монастырь, и там боровшихся со страстями. Но и мирской идеал женщины-матери и жены был вполне достойной участью, к которому стремилось немало женщин-христианок.

¹ Болгов Н.Н., Смирницких Т.В. Женские образы в ранневизантийской агиографии IV-VI вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. – Н. Новгород, 2007. С. 40-42.

² Бердяев Н.А. Смысл творчества. Париж, 1991. С. 218.

³ Там же. С. 219.

⁴ Авва Исая. Митерикон, или Поучения о женском подвижничестве. К., 2001.

ASCETIC IDEAL OF WOMEN PRIVATE LIFE IN EARLY BYZANTIUM

N.N. Bolgov, P.A. Titenko

The authors consider the ascetic ideal of the private-life behavior of a Christian woman. This ideal had been formed in the theological literature very early – in the first centuries AD – and included either virginity (in a monastery or ordinary life), or asceticism in the ordinary life. In order to achieve the ideal it was necessary to avoid passion, satiety, sex and all extremes.

Key words: asceticism, women, Christian, virginity, pathos, monastery, meal.

СПЕЦИФИКА РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ЖЕНСКОМ ТЕЛЕ И ФЕНОМЕН НАГОТЫ¹

Н.Н. Болгов (Белгород)

В работе рассматривается феномен женского тела применительно к истории и культуре Ранней Византии. Античные традиции государственности, городской жизни и культуры делали самоидентификацию женщины этого времени в значительной мере светской. Идеалы христианского аскетизма причудливым образом сочетались с разгулом плотских страстей. Отказ от наготы и публичной репрезентации женского тела постепенно замкнул его на женской половине дома.

Ключевые слова: тело, нагота, Византия, женщина, гендер, гинекология, традиция.

Специфика ранневизантийских представлений о женском теле и его физиологии естественным образом находилась на двух уровнях – теоретическом и практическом, обыденном. В классической античности эти уровни принципиально не различались, так как теория базировалась на повседневном опыте. Зафиксирована эта теория была в письменной традиции античной медицины². Обыденные же представления, как в классической античности, так и в ранневизантийское время, формировались у каждой женщины, исходя из своего личного опыта «освоения» собственного организма и способов обращения с ним. Практические вопросы были в центре внимания всей византийской медицины.

Ранняя Византия целиком опиралась на достижения классической античности в понимании женского организма и его специфики³. К специальным трудам ранневизантийского времени в этой области можно отнести лишь книгу Мусция (VI в.), составившего компилятивный труд на основе «Гинекологии» Сорана, а также некоторые разделы сохранившегося Синописа «Врачебного искусства» Орибасия Константинопольского (325-403 гг.), придворного врача Юлиана Отступника⁴. Особый интерес вызывает 4 книга «Врачебного искусства» византийского врача VI в. Аэция Амидского⁵, посвященная болезням, передающимся половым путем. В целом ранневизантийские медицинские тексты носят компилятивный харак-

¹ Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ ВКГ № 152-08 2008 г.

² Самодурова З.Г. Естественнонаучные знания // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 426.

³ Nathan G. Medicine and Sexual Practices in Late Antiquity // *Epoche*. 18. 1993. P. 20-32.

⁴ Наиболее полное исследование античной медицины на русском языке см.: Ковнер С. История древней медицины // Университетские известия. Киев, 1878-1888. 1002 с.

⁵ Aetii Amideni Libri medicinales / Ed. A. Olivieri. Lpz., 1935. Vol. I-IV.